

COVENANT & CONVERSATION

ЭССЕ ОБ ЭТИКЕ

РАББИ ЛОРД ДЖОНАТАН САКС, ЗЕХЕР ЦАДИК ЛИ-ВРАХА

ПЕРВОНАЧАЛЬНО НАПИСАНЫ И ОБНАРОДОВАНЫ В 5775 ГОДУ

Благодарим организацию "Уол легаси" (Wohl Legacy) за щедрую спонсорскую поддержку Covenant & Conversation. Морис был дальновидным филантропом. Вивьенн была глубочайше скромной женщиной. Вместе они представляли собой уникальный тандем - преданный своему делу и милосердный, "жить" значило для них "жертвовать".

Перевод с английского Светланы Силаковой

Вторая десятин и созидание сильного общества

«Рез»

Со времен Йеошуа и вплоть до разрушения Второго храма библейский Израиль был преимущественно аграрным обществом. Соответственно, Тора осуществляла свою религиозную и социальную программу именно через аграрный сектор. В этой программе три основополагающих элемента.

Первый—преодоление бедности. Тора по многим причинам соглашается с принципами рыночной экономики, как мы теперь это называем. Но, хотя рыночная экономика хорошо умеет производить материальные ценности, она не так хорошо умеет распределять их по справедливости. В свете этого социальное законодательство, которое содержится в Торе, было призвано, говоря словами Генри Джорджа¹, «заложить основы социального государства, где не знали бы глубокой бедности и унижительной нужды».

Поэтому существовали установления о том, что на долю бедняков следует оставить часть урожая: леке, шикха и пеа (упавшие колосья, забытый сноп и углы поля). А еще урожай седьмого года—он не принадлежал никому и в то же время принадлежал всем—и маасер ани, десятин для бедняков, которую отделяли на третий и шестой годы семилетнего цикла. Шмита и йовель—седьмой и пятидесятый годы соответственно—время, когда прощали долги, освобождали рабов, а родовые наделы передавали обратно их первоначальным владельцам: возвращали ключевые элементы экономики в «режим по умолчанию»—состояние, соответствующее принципам справедливости. Итак, первый принцип гласил: никто не должен прозябать в беспросветной бедности.

Второй элемент, включавший труму и маасер ришон—долю священников и первую десятину, направляли на содержание священников и левитов. В библейские времена священники и левиты были религиозной элитой в составе народа, на них возлагалась задача заботиться о том,

¹ Генри Джордж (1839–1897)—американский политэкономист, публицист и политик, его считают представителем буржуазного радикализма либо левого либертарианства.—Примеч. перев.

чтобы служение Б-гу, особенно в Храме, продолжалось в средоточии жизни народа. Они выполняли и другие первоочередные функции, в том числе ведали образованием и отправлением правосудия, будучи учителями и судьями.

Третий элемент в большей мере касался личных усилий и духовной жизни. Законы предписывали приносить первые плоды урожая в Иерусалим, а также отмечать три паломнических праздника—Песах, Шавуот и Суккот, знаменующие сезоны сельскохозяйственного года. Все это было призвано основательно учить благодарности и смирению.

Эти законы научили нас, что земля принадлежит Б-гу, а мы для Него—лишь арендаторы и гости. Дождь, солнце и земля дают урожай только благодаря Его благословению. Без подобных регулярных напоминаний общество медленно, но неотвратимо впадает в вещизм и самодовольство. Правители и элиты забывают, что их роль в том, чтобы служить народу: наоборот, они рассчитывают, что народ будет служить им. Таким образом народы на гребне успеха начинают скатываться к упадку, сами подготавливая свой крах.

В свете сказанного трудно понять один из законов, упомянутых в нашей недельной главе,—закон о второй десятине. Мы отметили, что на третий и шестой год семилетнего цикла эту десятину отдавали бедным. Однако на первый, второй, четвертый и пятый годы крестьянин должен был отнести ее в Иерусалим и там, в состоянии ритуальной чистоты, употребить в пищу: «Десятину с твоего хлеба, вина, оливкового масла и с первенцев твоего крупного и мелкого скота ешь пред Г-сподом, твоим Б-гом, на месте, которое Он изберет, чтобы водворить там Свое Имя,—и ты научишься постоянно бояться Г-спода, твоего Б-га» (Дварим, 14:23).

Если крестьянин жил далеко от Иерусалима, ему позволялся альтернативный вариант: «Обменяй [десятину] на серебро, возьми в руки серебро и иди на место, которое изберет Г-сподь, твой Б-г. Трать это серебро, [покупая] все, чего ни пожелаешь,—крупный и мелкий скот, вино и хмель, все, чего тебе захочется» (Дварим, 14:25–26).

Тут есть загвоздка. Вторая десятина шла не беднякам, не священникам и левитам, а значит, ни под первый, ни под второй принцип не подпадала. Возможно, она подпадала под третий принцип—напоминала крестьянину, что земля принадлежит Б-гу,—но это тоже маловероятно. В отличие от ситуации с первыми плодами, не было обычая провозглашать, кому принадлежит эта десятина, не было и особого служения Б-гу наподобие тех, которые проводились в праздники. Казалось бы, «институт» второй десятины не имел ни когнитивного, ни духовного содержания, если не считать требования о пребывании в Иерусалиме. Раз так, в чем логика существования второй десятины?

Мудрецы², сосредоточившись на словах «и ты научишься постоянно бояться Г-спода, твоего Б-га», говорили: вторая десятина должна была поощрять людей учиться. Пока они временно жили в Иерусалиме, питаясь своей десятиной или едой, купленной на ее денежный эквивалент, на них влияла атмосфера святого города, где все население занималось либо служением Б-гу, либо священной учебой³. Во многом то же самое происходит сегодня с участниками синагогальных групп, организующих поездки в Израиль на учебу.

² Сифрей, комментарий к соответствующему месту. Расширенную версию этого истолкования можно найти в «Сефер а-хинух», заповедь 360.—Примеч. авт. См.: Левит из Барселоны. Сефер а-хинух. Книга наставления. М.: Книжники; Леаим; 2014. С. 1222.—Примеч. перев.

³ См. также: Тосафот, Бава батра, 21а, касательно «Ки ми-Цион».

Однако Маймонид дает иное объяснение: «Вторую десятину было заповедано израсходовать на питание в Иерусалиме; таким образом ее владелец оказывался перед необходимостью отдать часть ее на благотворительность. Поскольку он не мог никаким способом использовать ее, кроме как съесть и выпить, то, должно быть, эти обстоятельства легко склоняли его постепенно раздать десятину другим. Благодаря этому правилу огромное множество людей собиралось в одном месте, и укреплялись узы любви и братства между сынами человеческими»⁴.

В глазах Маймонида вторая десятинa имела социальное предназначение. Она укрепляла гражданское общество. Создавала социальные и дружеские связи в народе. Поощряла гостей города делиться своим урожаем, ниспосланным по благословению, с другими людьми. Незнакомые знакомились и становились друзьями. Среди паломников царилa атмосфера товарищества. Возникало ощущение, что все они сограждане и принадлежат к одному обществу, формировалась коллективная идентичность. Собственно, нечто похожее Маймонид пишет и о праздниках вообще: «Полезьа от соблюдения праздников очевидна. Такие собрания идут человеку во благо: внушаемые ими чувства обновляют преданность религии; приводят к дружескому и приятельскому общению людей»⁵.

Атмосфера Иерусалима, пишет Маймонид, наверняка поощряла дух солидарности в обществе. Еды всегда было вдоволь, ведь туда приносили плоды деревьев четвертого года, десятину от мяса скота, а также зерно, вино и оливковое масло, составляющие вторую десятину. Все это нельзя было продать; нельзя было и приберечь это до следующего года, поэтому многое отдавали на благотворительные нужды, особенно (как предписывает Тора), «левиту и переселенцу, сироте и вдове».

Алексис де Токвиль, работая в 1830-х годах над книгой об Америке, столкнулся с необходимостью изобрести новое слово для описания явления, которое он там обнаружил и счел одной из угроз для демократического общества. Это было слово «индивидуализм». Он определял его как «взвешенное, спокойное чувство, побуждающее каждого гражданина изолировать себя от массы себе подобных и замыкаться в узком семейном и дружеском круге», так что гражданин «перестает тревожиться обо всем обществе в целом»⁶. Токвиль считал, что демократия способствует индивидуализму: в результате люди переложат заботу об общем благе исключительно на государство, а оно сделается еще сильнее и в итоге станет угрожать свободе как таковой.

Это было гениальное прозрение. Мысль Токвиля иллюстрируют два недавних примера. Первый обрисовал гарвардский социолог Роберт Патнем в исследовании небольших городов в Италии в 1990-х годах⁷.

В 1970-х все регионы Италии получили местные органы власти на одинаковых условиях, но в последующие двадцать лет одни муниципалитеты процветали, а в других был застой; некоторые эффективно управлялись и их экономика росла, другие же погрязли в коррупции и достигли гораздо меньшего, чем могли бы. Ключевое различие, обнаружил Патнем, это уровень активности и степень солидарности граждан того или иного региона.

⁴ Путеводитель растерянных. III, 39.

⁵ Там же. III, 46.

⁶ Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. Книга 2, глава 2. Русский перевод Малахова И. А., Олейник В., Иванян И. Э., Ворожцов Б. Н. — *Примеч. перев.*

⁷ Putnam Robert D., Robert Leonardi, and Raffaella Nanetti. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, NJ: Princeton UP, 1993.

Второй пример—эксперимент под названием «игра с халевщиком», призванный выявить уровень солидарности в некоей группе людей. Личные интересы всегда потенциально идут вразрез с общим благом. Есть соблазн воспользоваться общественными благами, не внося справедливый вклад в их создание и содержание (например, ездить на общественном транспорте «зайцем»). Тем самым вы извлекаете пользу из общественных благ, но не несете ту долю издержек, которую должны нести по справедливости. Когда происходят такие вещи, это подрывает доверие к согражданам, уровень солидарности снижается.

Вот правила игры: каждому участнику выдают 10 долларов и приглашают внести часть денег в общий котел. Сумму денег в общем котле увеличивают в несколько крат (например, втрое), а затем делят между участниками поровну. Если каждый вложит по 10 долларов, каждому и достанется по 30 долларов. Но если один участник решит ничего не вкладывать, то при шести участниках в общем котле окажутся 50 долларов, а после увеличения—150. Тогда каждому участнику достанется 25 долларов, но у одного из них теперь будет 35 долларов—деньги из общего котла плюс те 10 долларов, которые выдали ему в начале.

После нескольких раундов игроки вскоре замечают, что не все вносят в общий котел поровну. Из-за этой несправедливости все уменьшают свои вклады в общий котел. В результате группа страдает, а в выигрыше не остается никто. Однако если дать остальным игрокам возможность наказать того, кого подозревают в жульничестве,—а именно заплатить доллар за то, чтобы он потерял три доллара,—то обычно они его наказывают. Халевщик перестает пробавляться «на халеву», и все оказываются в выигрыше.

Когда я писал эту статью, экономика Греции рушилась. Несколькоми годами ранее, в 2008-м, экономист Бенедикт Херман устроил жителям крупных городов по всему миру своеобразный экзамен, чтобы выяснить, есть ли культурно-географические различия в том, как люди играют в «игру с халевщиком». И обнаружил: в таких городах, как Бостон, Копенгаген, Бонн и Сеул, добровольные вклады в общий котел были крупными. В Стамбуле, Эр-Рияде и Минске, где экономика не столь развита,—поменьше. Но меньше всего вкладывали в общий котел жители Афин, столицы Греции. Более того, когда в Афинах участники наказывали халевщиков, наказанные не переставали пробавляться халевкой. Наоборот, они мстили, наказывая тех, кто их наказал⁸. Там, где общественная солидарность слаба, общество не спланивается, а экономический рост прекращается.

Это подчеркивает гениальность мысли Маймонида: он догадался, что вторую десятину ввели, чтобы создавать социальный капитал, то есть прочные узы доверия и обоюдного альтруизма среди жителей, которые возникали в результате того, что в святых кварталах Иерусалима люди делились едой с незнакомцами. Любовь к Б-гу помогает стать образцовым гражданином и щедрым человеком, а значит, служит противоядием от индивидуализма, разрушающего демократические общества.

www.RabbiSacks.org   @RabbiSacks

The Rabbi Sacks Legacy Trust, PO Box 72007, London, NW6 6RW • +44 (0)20 7286 6391 • info@rabbisacks.org

© Rabbi Sacks • All rights reserved

⁸ Herrmann B., C. Thoni, S. Gachter. Antisocial Punishment Across Societies // Science. 319. 5868 (2008). P. 1362–1367.